

Н.Н. Брешко-Брешковский

Дикая дивизия

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.Н. Брешко-Брешковский**
Дикая дивизия / Н.Н. Брешко-Брешковский – М.: Книга по Требованию, 2012. – 196 с.

ISBN 978-5-458-45797-2

Известный русский писатель и публицист, представитель первой волны эмиграции, Николай Николаевич Брешко-Брешковский (1874-1943), в свое время военный публицист и писатель, в романе, написанном на основе фронтовых корреспонденций, рассказывает о т.н. Дикой дивизии. Кавказская Туземная конная наемная дивизия (в просторечии прославившаяся как "Дикая") была сформирована в 1914 году, вскоре после начала войны в составе шести полков — Дагестанского, Кабардинского, Чеченского, Ингушского, Черкесского и Татарского. На юго-западном фронте, сражаясь с австро-венграми и немцами, дивизия показала себя прекрасно. Наибольшую известность дивизия приобрела в 1917 году во время так называемого "корниловского мятежа", когда она в авангарде 3-го Конного корпуса двигалась на Петроград. Отчаянная попытка спасения России от надвигающейся угрозы большевизма, как известно, не удалась, зато поминаемые в каждой газете "кровожадные" или, в зависимости от направления газеты, "доблестные" всадники прославились по всей стране. Брешко-Брешковского за его лихой стиль называли «русским Дюма», но для Дюма у него слишком мало диалогов. А так — всё присутствует. Горцы, любовь, война, кокаин, красные изверги, немецкие шпионы, подонок Керенский и надежда отомстить...

ISBN 978-5-458-45797-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Под тремя золотыми львами

Каждый маленькій, глухой городишка австрійской Галиціи желал походить, если даже и не на Вѣну, эту нарядную столицу свою, то, по крайней мѣрѣ, хотя бы на Львов. Подражательность эта выявлялась, главным образом, в двух-трех кафе, или по мѣстному, по польски—в цукернях.

Пусть на этих цукернях выпивался за весь день какой-нибудь жалкій десяток стаканов кофе с молоком, съѣдалось нѣсколько пирожных и мѣстные чиновники играли двѣ-три партіи на билліардѣ. Пусть, но и кофе, и пирожное и сухое щелканье шаров в дыму дешевых сигар и папирос, все это вмѣстѣ давало блѣдный отзвук той жизни, которая бурлит и клокочет в блестящей, прекрасной и недосыгаемой Вѣнѣ.

Когда началась война, и русская армія заняла Галицію, дѣла мѣстных каверень не только поправились, а побѣжали в гору. Кофе и пирожное отошли в исторію. Щедро платившіе русскіе офицеры пили старое венгерское, вина, ликеры и шампанское, а сухое щелканье билліардных шаров не смолкало с утра и до поздней ночи.

Так было вездѣ, так было и в мѣстечкѣ Глусте-Място, гдѣ стоял штаб туземной кавказской конной дивизіи. Болѣе интимно и болѣе сокращенно ее называли „Дикой дивизіей“.

В цукернѣ „Под тремя золотыми львами“ пере-мѣнился хозяин. Прежній старый, сѣдоусый поляк с пріятными манерами, продав свое дѣло уѣхал куда-то,

а вмѣсто него появился господин, хорошо одѣтый, с военной выправкой, с ястребиным профилем помятаго лица и с тонкими губами. Он был вѣжлив, но у него не было мягких, профессиональных манер сѣдоусаго пана.

По русски он говорил почти свободно, хотя и с акцентом. Но когда офицеры „Дикой дивизіи“ эти бароны, князья и графы в черкесках говорили при нем по французски и по англійски, никто из них не подозревал, что хозяин владѣет не только этими языками, но еще и чешским, сербским, румынским и даже турецким.

Ему не сидѣлось на мѣстѣ. Он часто ѣздил в Тарнополь и в Станиславов. В этих городах у него тоже были свои цукерни, конечно, болѣе шикарныя, чѣм „Под тремя золотыми львами“. Но с тѣх пор, как фронт утратил свою подвижность, затих, и штаб Дикой дивизіи надолго обосновался в Тусте-Място, обладатель ястребинаго профиля основательно засѣл „Под тремя золотыми львами“.

Цукерня помѣщалась в бель-этажѣ небольшого кирпичнаго особняка. Надо было подняться по деревянной лѣстницѣ, расшатанной и скрипящей с тѣх пор, как ступеньки ея неустанно попирались тысячами, десятками тысяч ног в кавказских чувяках и в сапогах со шпорами.

В первой комнатѣ—столики и буфет, а за буфетом дебелая блондинка. Во второй комнатѣ—два билліарда. В остальных комнатах квартира хозяина.

И вот в эту лѣтнюю ночь, когда послѣ одиннадцати цукерня была закрыта и над стеклянной дверью уже не звенѣл колокольчик на желѣзной пружинѣ, хозяин принял в своем кабинетѣ поздняго гостя.

Этот посѣтитель, — фельдшер Дикой дивизіи, в сѣрой суконной черкескѣ и с большим кинжалом на животѣ. От черкески и кинжала воинственный вид фельдшера Карикозова мало выигрывал. Черкеска сидѣла на его несурзадной фигурѣ отчаянно, а кинжал был ему только помѣхою. Карикозов был человек путанной и сбивчивой національности, называл себя то армянином, то кабардинцем, то осетинцем, в дѣйствительности же

не будучи ни тѣм, ни другим, ни третьим. Череп его имѣл форму дыни с большим плоским лбом. Лицо с носом картофелиною, рѣзко ассиметричное. Одна половина не сходилась с другой. Лѣвый глаз ниже праваго, и в таком же соотвѣтствіи и брови, и линія рта. — В общем—восточная внѣшность, но сказалась в фельдшерѣ Каракозовѣ менѣе всего в смыслѣ породы и болѣе всего вырожденчески. Такіе типы в Константинополѣ приставали к европейским туристам, таинственно общаи и ввести их в гарем какого нибудь паши и, вмѣсто гарема, вели в публичные дома Галаты, гдѣ они получали извѣстный процент с каждаго „гостя“.

Хозяин цукерни „Под тремя золотыми львами“ сѣл, закурил сигару и только потом неохотно предложил сѣсть человѣку с большим кинжалом.

Обладатель ястребинаго профиля опытным, холодным, прищуренным взглядом всматривался в посѣтителя.

„Глуп, туп и лукав“ — рѣшил он. А посѣтитель напряженно молчал, и от этого напряженія и еще от сильной охоты угодить, его лоб-дыня вспотѣл.

— Ваша фамилія Каракозов?

Хозяин цукерни коснулся больного мѣста: фельдшер злился, когда искажали его фамилію, и все лицо вмѣстѣ с бровями и ртом пришло в движеніе, и он заговорил хрипло и рѣзко, с акцентом актеров, выступающих с армянскими анекдотами:

— Па-словайте, господин, очень вас прошу — я не Каракозов, и не Киракозов... я, Карикозов, панимаете Карикизов!

Подобіе улыбки тронуло тонкія губы, но холодными оставались глаза.

— Хорошо, я буду помнить: вас зовут Каракизовым. Так вот, Каракизов, если вы будете доставлять интересныя свѣдѣнія, я буду вам хорошо платить:

— Почему не интересно? Всегда будет интересно!— пообщал фельдшер.

— У вас есть какое-нибудь отношеніе к штабу дивизіи?

— Очен большой атношеніе. Старшій писарь на

оперативные отдѣленіи мой первый друг.

— Да, это очень хорошо... Но только соблюдайте осторожность, чтобы не влопаться. А эта ваша дружба, на чем же основана?

— Я его лечу от один неприятный балѣзнь... Даже очень нехорошій болѣзнь...

Вновь сухія губы дрогнули улыбкой.

— Лечите же его подольше. Пациент всегда заискивает перед своим врачом и поэтому — болтлив. А скажите, Каракозов. виноват Карикозов, как поставлена охрана великаго князя?

— Извѣстно! Канвой охраняет, а начальник конвоя ротмистр Бичерахов, осетин. Великій князь очень храбрый: все вперед, все вперед! А только Юзефович полковник, начальник штаба, не пускает. „Ваше высочества -- говорит, — я вашей маменька императрица слова дал, буду беречь ваша священни особа“...—Как слѣдует охраняет!

— Кромѣ конвоя, есть еще и тайная охрана?

— Есть! Четыре политических сыщик. Только он об этом ничего не знает, „Михайло“.

— Как вы сказали?

— Михайло говорю! Наши туземни всадник так называют великій князь: „наш Михайло“.

Карикозов хотѣл еще что-то прибавить, но осѣкся, увидѣв, что собесѣдник его не слушает, думая о чем то другом. Карикозов понял инстинктом: — они хотят убить великаго князя, уже потому хотя бы, что он брат государя. — И фельдшер поблѣднѣл и во рту у него пересохло, но не от каких либо добрых человеческих побужденій, нѣтъ а просто Карикозов струсил. Он был отчаянный трус.

Хозяин открыл ящик письменнаго стола и вынул двѣ новенькія сторублевки.

— Вот вам аванс на расходы. Помимо директив, которыя будут от меня получаться, доносите обо всем, что увидите и услышите. Не все, конечно, а то, что будет имѣть военное значеніе. Возьмите же это...

Фельдшер рукою, походившей на птичью лапу, с

узловатыми, короткими пальцами взял со стола деньги и зажал их под длинным рукавом черкески. Его лицо, отвратительное и без того, исказилось жадностью, и эта жадность подсказала ему:

— Господин, еще спирт магу, каньяк магу...

— Не надо.

— По дешевой цѣнѣ...

— Не надо!

— Кокаин?

Что то блеснуло в холодных глазах челоуѣка с ястребиным профилем:

— Кокаин принесите!

Он встал.

— Вас проведут черным ходом. И всегда приходите с черного хода. Переулок темный, узенькій... там никогда никого не бывает...

Фельдшер, очутившись в переулкѣ и надвинув на глаза папаху, увѣренный, что так его никто не узнает, подняв полы черкески, засунул в карман двѣ скомканныя сторублевки.

— Для начала не плохо, — подумал он. А вторая мысль была:—Этот австриец прав, шельма, надо затянуть болѣзнь старшему писарю оперативнаго отдѣленія...

II

Всадники из глубины Азии

Русская, так называемая регулярная, конница всегда стояла на большой высотѣ. Но в то же время необъятная Имперія обладала еще и прирожденной конницей, единственной в мірѣ по числу всадников, по боевым качествам своим.

Это — двѣнадцать казачьих войск, горскіе народы Сѣвернаго Кавказа и степные наѣзники Туркестана.

Ни горцы, ни средне-азиатскіе народы не отбывали воинской повинности, но при любви тѣх и других к оружію и к лошади, любви пламенной, привитой с самаго ранняго дѣтства, при восточном тяготѣніи к чинам, отличіям, повышеніям и наградам, путем добровольческаго комплектованія можно было создать нѣсколько чудесных кавалерійских дивизій из мусульман Кавказа и Туркестана. Можно было бы, но к этому не прибѣгали.

Почему? Если из опасенія вооружить и научить военному дѣлу нѣсколько тысяч инородческих всадников, — напрасно! На мусульман всегда можно было вѣрнѣе положиться, чѣм на христіанскіе народы, влившіеся в состав Россійскаго Царства. Именно они, мусульмане, были бы надежной опорой власти и трона.

Революціонное лихолѣтье дало много ярких доказательств, что горцы Кавказа были до конца вѣрны присягѣ, чувству долга и воинской чести и доблести.

Мы на этом в свое время остановимся подробно, а посему не будем забѣгать вперед.

Только когда вспыхнула великая война, рѣшено было создать туземную конную Кавказскую дивизію.

С горячим, полным воинственнаго пыла энтузіаз-

мом отозвались народы Кавказа на зов своего Царя. Цвѣт горской молодежи поспѣшил в ряды шести полков дивизіи — Ингушскаго, Черкесскаго, Татарскаго, Кабардинскаго, Дагестанскаго, Чеченскаго. Джигитам не надо было казенных коней, — они пришли со своими; не надо было обмундированія, — они были одѣты в свои живописныя черкески. Оставалось только нашить погоны. У каждаго всадника висѣлъ на поясѣ свой кинжал, а с боку своя шашка. Только и было у них казеннаго, что винтовки. Жалованья полагалось всаднику двадцать рублей в мѣсяц. Чтобы поднять и без того приподнятый дух горцев, во главѣ дивизіи поставлен был брат Государя, великій князь Михаил Александрович, высокій, стройный, сам лихой спортсмен и конник. Такой кавалерійской дивизіи никогда еще не было и никогда, вѣроятно, не будет.

Спѣшно понадобился офицерскій состав, и в дивизію хлынули всѣ тѣ, кто еще перед войной вышел в запас, или даже в полную отставку. Главное ядро, конечно, кавалеристы, но, прельщаемые экзотикой, красивой кавказской формою, а также и обаятельной личностью царственнаго командира, в эту конную дивизію пошли артиллеристы, пѣхотинцы и даже моряки, пришедшіе с пулеметной командой матросов Балтійскаго флота.

И впервые с тѣх пор, как существует русская военная форма, можно было видѣть на кавказских черкесках „морскіе“ погоны.

Вообще, Дикая дивизія совмѣщала несомѣстимое. Офицеры ея переливались, как цвѣтами радуги, по крайней мѣрѣ, двумя десятками національностей. Были французы — принц Наполеон Мюрат и полковник Бертрен; были двое итальянских маркизов — братья Альбици. Был поляк — князь Станислав Радзивилл и был персидскій принц Фазула Мирза. А сколько еще было представителей русской знати, грузинских, армянских и горских князей, а также финских, шведских и прибалтійских баронов? По блеску громких имен дикая дивизія могла соперничать с любой гвардейской частью, и

многіе офицеры в черкесках могли увидѣть имена свои на страницах Готскаго альманаха.

Дивизія сформирована была на Сѣверном Кавказѣ и там же в четыре мѣсяца обучили ее и бросили на австрійскій фронт. Еще только двигалась она на запад эшелон за эшелоном, а уже далеко впереди этих эшелонов неслась легенда. Неслась через проволочныя загражденія и окопы. Неслась по венгерской равнинѣ к Будапешту и к Вѣнѣ. В нарядных кофейнях этих обѣих столиц говорили, что на русском фронтѣ появилась страшная конница откуда-то из глубины Азіи. Чудовищные всадники в длинных восточных одеждах и в громадных мѣховых шапках не знают пощады, вырѣзывают мирное населеніе и питаются человѣчиной, требую нѣжное мясо годовалых младенцев.

И сначала не только досужіе болтуны в кофейнях, но и штабные австрійскіе офицеры, имѣвшіе о Россіи болѣе, чѣм смутное понятіе, готовы были вѣрить, что страшные всадники дѣйствительно вырѣзывают все мирное населеніе и лакомятся дѣтским мясом.

Легенда о кровожадности всадников не только поддерживалась, а и муссировалась австрійским командованием, чтобы внушить волю к сопротивляемости мозаичным, разноплеменным войскам его апостольскаго величества императора Франца Іосифа.

И когда эта „человѣческая мозаика“ начала сдаваться в плѣн, высшее командование наводнило армію воззваніями:

„Эти азіатскіе дикари вырѣзывают поголовно всѣх плѣнных“.

Воззваніе успѣха не имѣло. Ему никто не вѣрил. Австрійскіе чехи, румыны, итальянцы, русины, далматинцы, сербы, хорваты батальонами, полками, дивизіями, под звуки полковых маршей, с развернутыми знаменами переходили к русским.

Наше повѣствованіе относится к моменту, когда

послѣ успѣхов и неудач русская армія, освободив часть Галиціи, задержалась на линіи рѣки Днѣстра. Дикая дивизія занимала ряд участков на одном берегу, болѣе пологом, а к другому, болѣе возвышенному, подошли и закрѣпились австрійцы.

III

Великій князь Михаил

Фельдшер Кариковоз не солгал челоуѣку с ястребиным профилем: полковник Юзефович, крѣпкій, приземистый, большеголовый и широкоплечій татарин, слѣдил, чтобы во время боев великій князь Михаил не зарывался вперед и не рисковал собой.

Как только Юзефович был назначен начальником штаба Дикой дивизіи, его потребовал к себѣ в ставку верховный главнокомандующій великій князь Николай Николаевич.

— Немедленно отправляйтесь в Кіев. Вас желает видѣть императрица Марія Федоровна.

В Кіевѣ императрица, обласкав, Юзефовича сказала ему:

— Полковник, прошу вас, как мать, берегите Мишу. Вы можете дать мнѣ слово?

— Мое слово солдата вашему величеству, я буду охранять великаго князя по мѣрѣ сил моих...

Юзефович был вѣрен своему слову. А держать слово было не легко. Нужны были неустанная зоркость и вниманіе, настойчивость, надо было, кромѣ того, быть дипломатом, дѣйствовать так, чтобы, во первых, сам великій князь не замѣчал опеки над собой, а, во вторых, чтобы ея — этой самой опеки — не замѣчали всѣ тѣ, перед кѣм можно было поставить великаго князя в неловкое положеніе. А он, как нарочно, всегда хотѣл быть там, гдѣ опасно и гдѣ противник развил губительный огонь. Толкала Михаила в этот огонь личная отвага сильнаго физически, полнаго жизни спортсмена и кавалериста, затѣм еще толкала мысль, чтобы кто-нибудь из подчиненных не заподозрил, что своим высо-